

ГЕОРГИЙ АДАМОВИЧ.

Георгий Викторович Адамович, подборку стихотворений которого мы предлагаем вниманию читателей, является одной из ярчайших фигур литературной жизни первой русской эмиграции. Родился поэт в 1894 г. в Петербурге. В 1916 г. выпустил книгу стихов Облака. Заручившись поддержкой Н. Гумилева, стал членом основавшего им Теха. Поэтов // в 1922 г. выпустил в Петрограде книгу стихов Чистилище. В том же году эмигрировал в Германию. С 1925 года поселился в Париже, где вскоре стал ведущим критиком литературного еженедельника "Эвеню" /1925-28/. В начале 1930-х годов возглавил /совместно с Н. Ощуповым/ движение поэтов-«モンпарнассцев» Парижскаяnota, участвовал в редактировании знаменитого журнала "Числа" /1930-34/. В 1939 г. выпустил книгу стихов На Западе. С началом II-ой Мировой Войны Адамович покинул Париж и переселился в США. Здесь, в 1955 году выходит его воспоминания Существо и Свобода /изд-во им. Чехова/. Последняя книга стихов Адамовича Художество вышла в США в 1967 году. Скончался поэт в 1972 г. В последние годы интерес к наследию Адамовича возрос. В 1988 г. изд-во "Серебряный Век" выпустило двухтомник его избранной прозы, появился ряд работ зарубежных славистов о его творчестве, готовится к изданию Собрание сочинений.

Л.Д.

Где ты теперь? За утесами плещет море,
По заливам въльны плавят,
И проходят суда с трехцветным широким флагом.
На шестом этаже, у дрожащего телефона
Человек говорит: "Мария, я вас люблю".
Пролетают кареты. Автомобили
За кими гудят. Звякаютя фонари.
Продрогшая девочка бьется пролить спички.

Где ты теперь? На стотисячезвездном небе
Наклонная лучай сенеет Илачный путь,
И далеко, у глухогудящих сосен, луной
Сварязная, в лесу, века и века
Угрюмо шумит Ниагара.

Где ты теперь? Иль мой голос уже, быть может,
Беснацед над землей и ответа лететь обречен
И осталось в мире лишь волны,
Дробь звонков, корабли, фонари, нишета, луна, водопады?

1920

По широким мостам... Но ведь мы все-равно не успеем,
Ста вынуждающая, ведь мы заблудились в пути.
По безлюдным мостам, по широким и черным аллеям
Добежать хоть к рассвету, и остановить, и спасти.

Просыпаясь дышит и вздыхает тревожно столица.
Рестораны распахнуты.. Стремит дыханье в груди,
Отчего нам так страшно? Иль может быть все это снится,
Ничего нет в прошедшем, и нет ничего впереди?

Море близко. Светает. Шаги уже меряют где-то,
Но как склонены ноги, я больше бежать не могу
О-еще б хоть минуту! Ёщелкнул курок пистолета,
Все погибло, все кончено... Видишь ты,- кровь на снегу.

Тишина. Тишина. Поднимается солнце. Ни слова.
Тридцать градусов холода. Туекло сияет гранит.
Ё под черным вуалем у гроба стоит Гончарова,
Улыбается жанко и вдахь равнодушно глядит.

1921

О мертвом царевиче-Димитрии
И о матери его, о стрельцами
Зарезанных в Кремле, быть может
О разбойнике на большой гороге
Убитом в драке, о солдате
Забытом в поле, и даже
О тех, кто ветренной ночью
Цеплялись за мерзлые канаты
Тонущей "Лузитании"
И уже синеве смотрели
На темное, жадное море,
Каждое утро и-каждый вечер,
И ночью, привстив на кровати,
Кто-нибудь умоляет Бога
Прощение дать и блаженство.

Помяни же и человека,
Который в Угличе не был,
Убийц-не просил о щаде,
И плеска Марны не слышал,
И льдистых громад не видел,
Но уже сашапатой ночью,
Не лыши и не-двигаясь, в доме
Засыпном во крыши снегом,
Смотрит на тихий иссящ,
И пересохшими трубами
Повторяет имя Александра.

1920

О, жизнь моя! Не надо суеты,
Не надо жалоб, — это все пустое.
Покой находит в мир, — иди и ты покоя.

Мне хочется, — чтоб снег тяжелый лег,
Тишина небосвода превращено-синий,
И чтоб я как, и чувствовать бы мог
На сердце лед и на перьевых кистях.

1920

Жизнь! Что мне надо от тебя, — не знаю.
Остала грусть, юности и юношеского удела.
Но так скучать, как я теперь скучаю,
Бог милосердный людям не велел,

И если где-нибудь живет и дышит,
Тот, кто некогда назначен мне судьбой,
Что ж не приходит он ко мне, не слышит,
Быть не ослабевший голос мой?

Лишь два огромных, черных, тусклых глаза
И два огромных, траурных крыла
Тень бросили от синих гор Кавказа
На жизнь мою и на мои дела.

1920

Нам в юности докучно постоянство,
И человек, не ведал забот,
За быстрый взгляд и легкое убранство
Любовь свою со смехом отдаст.

Так на заре веселой дружбы с Музой
Неверных-рифм не избегает слух,
И безрассудно-мы зовем обувью
Поэзии ее бессмертный дух.

Но сердцу зреяму родной и нежный
Опять сияет образ дней жизы,
И точной рифмы ставук неизбежный
Как бы навеки замыкает стих.

1921

Осеним вечером, в гостинице, вдвоем,
На грубых простынях привычно засыпай...
Мечтатель, где твой мир? - Скиталец, где твой дом?
Но лузун ли искать искусственного рая?

Осенний круглый ложь лягучится у окна,
Обои движутся под неподвижным взглядом.
Кто эта женщина? - Зачем молчит она?
Зачем лежит она с тобою рядом?

Безлунным вечером, Бог знает где, вдвоем,
В удущий духов, над облаками дома...
О том, что мы умрем... О том, что мы живем,
О том, как страшно все, И как неправильно.

1930-е годы